

Сы Юэ почувствовал, что снова сболтнул лишнего.

Он смотрел, как на экране телефона вновь собираются мелкие капли дождя. Дождавшись, пока экран сам погаснет, он поднял голову и уставился на блестящий, пропитанный влагой черный асфальт. На другой стороне улицы уборщик в оранжевой рабочей форме и конусной шляпе подметал опавшие листья с тротуара.

Понаблюдав за ним какое-то время, Сы Юэ снова зашагал вперед и отправил Бай Цзяню сообщение:

[Малыш, не злись, иди сюда, дай поцелую.]

Сы Юэ наговорил это таким нежным и ласковым тоном, что, если бы кто-то не знал, что на другом конце провода Бай Цзянь, он бы точно решил, что Сы Юэ воркует со своим капризным и избалованным любовником.

У Бай Цзяня и секретариата был свой отдельный лифт.

Цзян Юнь зашел внутрь, держа в руках несколько стаканов кофе. Двери уже начали закрываться, когда он увидел идущего навстречу Бай Цзяня, и тут же выставил руку, чтобы удержать створки.

В лифте стояла абсолютная, умиротворяющая тишина.

Именно поэтому, даже если Бай Цзянь не включал громкую связь, обычный звук из динамика в замкнутом пространстве кабины казался в разы громче.

— Малыш, не злись, иди сюда, дай поцелую.

Бай Цзянь: «...»

Цзян Юнь: «...»

Будь Цзян Юнь плохим помощником, он бы не узнал голос Сы Юэ — и это было бы его упущением.

Но если бы он не умел читать атмосферу и в нужный момент притвориться слепым и глухим — это тоже было бы его упущением.

Поэтому Цзян Юнь, ни мускулом не дрогнув на лице, уставился на меняющиеся красные цифры этажей, мастерски прикидываясь глухим.

Сы Юэ решил купить Бай Цзяню еще один подарок. Бай Цзянь пользовался только старомодными перьевыми ручками, так что можно было пройтись по магазинам и поискать что-то подходящее.

Дождь шел мягко и неспешно, словно белая кисея колыхалась между раскрытыми зонтами.

Сегодня был не выходной, и время после работы еще не наступило, поэтому прохожих на улице было немного. Сы Юэ шел под зонтом, от скуки потирая пальцами ледяную металлическую ручку.

Мелкая морось окутала все здания полупрозрачной вуалью. Возвышающиеся сквозь пелену дождя разноуровневые торговые центры сейчас были полностью залиты светом, напоминая гигантские квадратные лампочки.

В центре безлюдной площади, где музыкальный фонтан уже давно прекратил работу, Сы Юэ вдруг показалось, что кто-то позвал его по имени.

Он обернулся, оглядывая слепые зоны и темные переулки, ведущие в другие части улицы.

Никого.

Вообще ни души.

Площадь вела на минус первый этаж торгового центра, и Сы Юэ уже занес ногу на ступеньки лестницы рядом с вращающимися стеклянными дверями.

Купол зонта слегка загораживал обзор.

Поэтому он остановился только тогда, когда едва не врезался в человека.

— А-Юэ? — голос показался до боли знакомым.

Сы Юэ медленно откинул зонт назад, позволив дождевым каплям упасть ему на лицо.

— Цзян Шии?

— Что тебе опять нужно? — тон Сы Юэ нельзя было назвать дружелюбным. Более того, он вообще не собирался ни о чем разговаривать с Цзян Шии. Ему совершенно не хотелось, чтобы его слова снова записали на диктофон, передали третьим лицам и использовали как рычаг давления.

Цзян Ши развернулся и пошел за ним.

На нем была белая рубашка, поверх которой был надет бордовый вязаный жилет. Зонт, который он держал, Сы Юэ когда-то подарил ему сам. Увидев, что Сы Юэ просто обошел его и направился дальше, он поспешно бросился следом.

Дождевая вода, скопившаяся на ступеньках, с плеском разлетелась в стороны.

— Мы не виделись несколько дней, я слышал, что ты здесь...

— Кто сказал, что я здесь? Кто, кроме Бай Цзяня, знает, где я нахожусь? — Сы Юэ шел с каменным лицом, но на секунду его шаги замедлились. — Цзян Ши, откуда ты знаешь, где я?

— ... — Цзян Ши опустил глаза. На мелком ворсе его жилета повисли крошечные капли дождя, готовые вот-вот сорваться вниз. — Я ждал тебя под горой. Я пошел за тобой сюда.

— Хватит, не надо строить из себя жертву передо мной, — хотя Сы Юэ продолжал идти вперед, он прекрасно видел выражение лица Цзян Ши. — Разве в прошлый раз ты не был таким крутым? Даже аудио записал? Если мериться интригами и коварством, кто вообще сможет тебя переиграть?

Когда Сы Юэ начинал язвить, он мог час поливать человека сарказмом, ни разу не повторившись.

— Скажу честно, если ты хотел стремиться к высотам, то мы с Чжоу Янъяном вроде бы не тянули тебя на дно, верно? Мой балл на вступительных был всего на пять очков ниже твоего, и мы не мешали тебе пробиваться наверх. Но почему ты стал ругать меня так же, как мой отец? Ты и правда выдающийся придурок.

— И к тому же, что значит твое «я хотел тебя увидеть»? Мы не в тех отношениях, чтобы часто видеться. А если ты снова хочешь записать наш разговор, — Сы Юэ сбавил шаг, и в его глазах блеснул холод, — не вини меня, если мы станем настоящими врагами.

Семья Сы не входила даже в тройку лидеров среди предприятий Цинбэя, но вот скверный характер Сы Юэ вполне мог бы занять первое место.

Дело было не в том, что он плохой человек. Просто он был донельзя упрям. Он никогда не переступал черту дозволенного и не собирался совершать аморальные поступки только ради того, чтобы вписаться в чью-то компанию.

Те люди были грязной лужей в дождливый день, а Сы Юэ — всего лишь розой, чей стебель усыпан мелкими шипами.

Цзян Шии мог отвернуться от него, и Сы Юэ было бы плевать. Он мог упрямо вкладывать деньги в сомнительные эксперименты — и это тоже было бы его личным делом. Но тайная диктофонная запись, переданная Бай Цзяню, стала той самой чертой, которую он переступил.

— И еще кое-что, — Сы Юэ вспомнил слова Бай Цзяня о том, что Цзян Шии, возможно, питает к нему чувства. Он остановился, повернулся к молчащему парню и сказал: — Я уже женат. И я очень люблю Бай Цзяня, а он жуткий ревнивец.

Всю дорогу Сы Юэ осыпал его насмешками, а Цзян Шии просто тихо слушал. Его идеальное, лишенное эмоций лицо начало медленно трескаться лишь в тот момент, когда он услышал фразу «я очень люблю Бай Цзяня».

— Я понимаю, к чему ты клонишь, и думаю, ты тоже должен понять меня, — Сы Юэ все же не хватило жесткости вывалить всё начистоту. Когда-то они с Цзян Шии были по-настоящему близки — почти так же близки, как с Чжоу Яньяном.

Но время показывает истинное лицо людей, и ему пришлось признать, что некоторые друзья приходят лишь на определенный этап жизни.

Цзян Шии медленно изогнул губы в улыбке. Цвет его глаз в этот дождливый день казался особенно мрачным и тусклым.

— Это из-за того, что когда-то тебя спас тритон, и ты всегда испытывал к ним симпатию? Даже если бы это был не Бай Цзянь, а любой другой тритон, ты бы тоже легко влюбился в него, да?

Сы Юэ посмотрел на него с совершенно бесстрастным лицом, в душе не испытывая ни малейшего колебания:

— Он мне нравится, и даже будь он полным дерьмом, он бы всё равно мне нравился.

Сравнение вышло слегка грубоватым, но логика была железобетонной.

— Ладно, проводил и хватит, — Сы Юэ взглянул на сияющий великолепием холл первого этажа неподалеку. Свет оттуда падал из-за спины Цзян Шии, оставляя его лицо погруженным в дождевую тень. От этого его глаза казались еще более темными — неестественно черными. Но Сы Юэ этого не заметил. Он похлопал парня по плечу и многозначительно произнес: — Цзян Шии, береги себя.

Подняв зонт, он ленивой походкой прошел мимо.

Собравшиеся дождевые капли скатились по спицам зонта и упали на тыльную сторону ладони Цзян Шии. От холода его пальцы дрогнули, а на коже едва заметно проступили несколько серых чешуек.

Сы Юэ покупал вещи быстро: что первым приглянулось, то и брал.

Даже если подарок предназначался не ему, а Бай Цзяню.

У Бай Цзяня было полно всяких мелочей вроде запонок и брошей. Сы Юэ подумал, что у мужа наверняка есть отдельная комната для их хранения, где каждая вещица лежит в прозрачной стеклянной витрине на плотном черном бархате.

Роскошь.

Хотя, наблюдая за тем, как консультант тщательно завязывает бантик на коробке, Сы Юэ вдруг стало любопытно: когда он доживет до возраста Бай Цзяня, станет ли он таким же безмятежным и лишенным мирских желаний?

С улицы в бутик зашел ребенок — девочка лет четырех-пяти. Сопровождавшая ее молодая и красивая женщина, очевидно, была ее мамой.

Как только они вошли, другие консультанты тут же бросились их приветствовать.

Молодая мама явно была здесь постоянной клиенткой и принялась любезно болтать с персоналом. А вот маленькая девочка сразу же заметила Сы Юэ и уставилась на него огромными немигающими глазами.

Она не отрывала от него взгляда, пока вместе с мамой медленно не оказалась совсем рядом с ним.

Девочка задрала голову.

— Ты такой красивый, — пропищала она детским голосочком, а затем дернула маму за сумку.
— Мам, этот братик такой красивый. Роди мне такого же братика.

Молодая женщина опустила глаза, на секунду замерев от просьбы «родить братика», а затем перевела взгляд на Сы Юэ.

Сидящий перед ней на пуфике юноша был явно молод. В его глазах играла улыбка, а в выражении лица читалась легкая надменность и расслабленность.

Женщина нахмурилась, крепко сжала руку дочери и резко сделала два шага назад. Склонив голову, она почтительно произнесла:

— Прошу прощения, мы не хотели вас оскорбить, господин.

Сы Юэ как раз собирался подразнить малышку и не успел вымолвить ни слова, как внезапные действия и тон матери сбили его с толку.

Он опешил, но быстро пришел в себя и улыбнулся:

— Ничего страшного.

Женщина с облегчением выдохнула и увела дочь к другой витрине.

Всё это время она выглядела крайне напряженной.

Собеседница была тритоном, и, без сомнений, маленькая девочка тоже.

У тритонов была строгая социальная иерархия. Скорее всего, женщина уловила на Сы Юэ запах Бай Цзяня или же какой-то его собственный, специфический аромат.

Сы Юэ вдруг стало как-то тоскливо.

Неудивительно, что у Бай Жаня тогда в школе совсем не было друзей, и он всегда держался особняком. Ведь даже если какой-то тритон по своей инициативе решал с ним подружиться, у него всегда были скрытые мотивы, а остальные просто предпочитали держаться на расстоянии.

Закончив совещание, Бай Цзянь приехал из компании в торговый центр. Он примерно чувствовал, где именно находится Сы Юэ.

Будь они просто обычными супругами, ему пришлось бы звонить и спрашивать.

Но теперь всё было иначе. В каком-то смысле они находились в состоянии симбиоза.

Сы Юэ покупал вкусности для Бай Лу. Оставив номер телефона, чтобы покупки доставили домой, он обернулся и тут же увидел Бай Цзяня.

Сначала Сы Юэ обрадовался, но потом вспомнил, что пару часов назад назвал его старым, и мгновенно растерялся, не зная, как реагировать.

Назвать Бай Цзяня старым — это одно дело. Но то, что Бай Цзянь, похоже, из-за этого разозлился — совершенно другое.

Бай Цзянь широким шагом подошел к нему.

Сы Юэ поспешно протянул ему пакет.

— Купил для тебя.

Бай Цзянь не стал сразу его забирать, лишь бросил короткий взгляд.

— Зачем ты мне это купил?

Ну...

— Я же говорил недавно, что тратить твои деньги — это как сидеть на шее у родителей, — Сы Юэ потянул Бай Цзяня за рукав к выходу из бутика, так как мужчине и правда не стоило появляться в подобных местах — он привлекал слишком много внимания. — Я боялся, что у тебя разовьется комплекс неполноценности.

— ...

Бай Цзянь усмехнулся:

— Комплексом неполноценности тут и не пахнет, но признаюсь, это наводит на определенные мысли. Ты еще так молод, а я уже в преклонных годах.

Лицо Сы Юэ слегка окаменело. Он только хотел открыть рот, чтобы утешить мужа.

Его никогда не волновал возраст Бай Цзяня.

Скорее уж он сам переживал, что Бай Цзянь сочтет его инфантильным и ни на что не годным!

Бай Цзянь взял Сы Юэ за руку и продолжил:

— Но после твоих слов я подумал: да, сейчас мои триста лет по сравнению с твоими восемнадцатью делают меня старше. Но когда мне исполнится тысяча, моему А-Юэ будет уже семьсот.

Тогда всё действительно сравняется. Оба будут глубокими стариками, и никто не сможет упрекнуть другого.

Но Сы Юэ не дал себя запутать:

— У тебя будет четырехзначное число, а у меня трехзначное. Это всё равно не одно и то же.

— ...

В следующую секунду Бай Цзянь обвил рукой шею Сы Юэ и прямо посреди огромного холла торгового центра, прямо под гигантской хрустальной люстрой, жестко укусил его за уголок губ.

В глазах Бай Цзяня плескалась беспомощная, но нежная усмешка:

— А-Юэ, этот рот совсем не годится для разговоров.

Повезло, что сейчас в торговом центре было пусто и безлюдно.

Иначе их бы точно сфотографировали и выложили в сеть.

— И еще, — взгляд Бай Цзяня за стеклами очков слегка похолодел. Он подцепил пальцем воротник рубашки Сы Юэ, наклонился и принялся. — Почему от тебя так сильно несет рыбной вонью?

— Вонью?

— А я и не заметил.

Сы Юэ тут же вспомнил, как перепугалась та молодая мать в бутике, когда подошла к нему. Выходит, дело было не в запахе Бай Цзяня на его теле, а в этой рыбной вони?

Сам Сы Юэ ничего не чувствовал.

— Что еще за вонь?

Бай Цзянь повел его в сторону подземной парковки.

— Гнилостный запах разлагающейся рыбы.

— Значит, вернусь домой и помоюсь, — Сы Юэ не придавал этому особого значения. Но пока лифт медленно спускался вниз, он вдруг спросил: — Бай Цзянь, я ведь не начал гнить заживо?

— ...

— Ты еще даже не стал тритоном. Даже если бы ты гнил, такого запаха бы не появилось. — Бай Цзянь позабавил этот вопрос, и он спросил как бы между делом: — Ты виделся с кем-то в

последние пару часов?

Сы Юэ задумался, вспомнил недавнюю встречу, и его сердце бешено заколотилось.

— Цзян Шии считается?

После этих слов ответа от Бай Цзяня не последовало.

Мужчина опустил ресницы и медленно произнес:

— Считается. Но вот считается ли он теперь человеком — это вопрос.

— Я просто предположил, — Бай Цзянь поднял руку и потрепал Сы Юэ по волосам. — Впредь старайся держаться от него подальше.

В дождливые дни в воздухе всегда пахнет сырой землей и тиной. Но запах, исходящий от Сы Юэ, был слишком редким и слишком едким. От простого столкновения плечами такого амбре не останется.

Возможно, тот, кто оставил этот запах, сам даже не догадывался о том, что происходит с его телом.

Сы Юэ коротко кивнул.

Остановившись у машины, Сы Юэ всё же решил прояснить ситуацию. Глядя на Бай Цзяня, который уже собирался открыть водительскую дверь, он серьезно спросил:

— У тебя есть доказательства?

— Нет, — ответил тот. — Это лишь догадки. Месяц назад Цзян Шии инвестировал в проект «М». Поскольку проект легальный, мы не имеем права вмешиваться или проводить расследование.

— Что это вообще за проект?

— Проект по клонированию тритонов, — Бай Цзянь пару раз постучал пальцами по дверце машины, огляделся по сторонам и понизил голос. — Но если предположить, что гнилостный запах на тебе действительно оставил Цзян Шии, то проект «М» занимается не клонированием. Они пытаются превратить людей в тритонов.

Это совершенно не укладывалось в голове Сы Юэ. Когда старик рассказывал ему о событиях

столетней давности, Сы Юэ воспринимал это как сказку — мог вздыхать, удивляться, сопереживать. Но теперь, оказавшись в эпицентре событий, он почувствовал, как разум опустел.

— Вот... вот как? — Сы Юэ даже не знал, какое выражение лица должно быть у человека, столкнувшегося с подобным. — Это незаконно?

— Это не просто незаконно. Это преступление. — Бай Цзянь жестом велел ему садиться в машину.

Сы Юэ всегда восхищался Бай Цзянем. Тот в любой ситуации оставался спокойным, действовал играючи и без суеты. Но если подумать, это тоже был равноценный обмен: цена за превращение в нынешнего господина Бай Цзяня — это жизни погибших сородичей на острове Лес и ежемесячные мучительные возвраты к истокам (атавизмы).

Бай Цзянь крутанул руль, его лицо оставалось бесстрастным.

— Если только сам человек не даст добровольного согласия, не подпишет документы, не запишет видео и не заверит всё у адвоката.

— А как же я? Моя ситуация такая же, как у них?

— Твой случай — другой, — Бай Цзянь внезапно замолчал, взглянул на Сы Юэ, слегка улыбнулся и продолжил: — Но, А-Юэ, чем меньше людей будет знать о твоём превращении в тритона, тем лучше. Как ты знаешь, «верхи» очень хотят увеличить среднюю продолжительность жизни человечества. Если ты превратишься в тритона без всякого вреда для здоровья и без побочных эффектов, тебя заберут.

— Почему?

— Когда весь мир встанет перед тобой, умоляя пожертвовать собой ради всеобщего блага и обвиняя тебя в эгоизме, ты больше не будешь олицетворением справедливости. Даже если правда на твоей стороне.

— Цзян Ши сотрудничает с Седьмым институтом... — пробормотал Сы Юэ. Неужели его интуиция ошиблась, и на самом деле проблема кроется именно в Седьмом институте?

— Посмотрим, — дождь за окном резко усилился, тяжелые капли забарабанили по стеклам, словно град. Шум ливня был отчетливо слышен даже сквозь отличную шумоизоляцию салона.
— Кто знает, может, у Цзян Ши и нет злого умысла. Возможно, он делает это только ради себя.

Сы Юэ не понимал:

— Почему ты его защищаешь?

Бай Цзянь рассмеялся:

— Я не защищаю его. Просто я верю в то, как мой А-Юэ выбирает себе друзей.

Сы Юэ совершенно не умел держать интригу или молчать. Поговорив с Бай Цзянем, он тут же захотел вытащить Цзян Ши из черного списка и высказать ему всё. Бай Цзянь предугадал его порыв и остановил:

— Не советую продолжать с ним общение. Интуиция подсказывает мне, что именно ты являешься для него главным раздражителем.

— Это его выбор, А-Юэ. Если ты снова вмешаешься, я буду ревновать, — медленно произнес Бай Цзянь, и в его глазах не было ни капли смеха.

Сы Юэ поспешно проверил телефон, чтобы убедиться, что Цзян Ши всё еще надежно заблокирован.

— А где Бай Лу? Я привез ему пирожное, — спросил Сы Юэ, ставя пакеты на кофейный столик, и повернул голову к огромному аквариуму. Бай Лу всё еще спал, не подавая признаков жизни.

Дядя Чэнь выглядел обеспокоенным:

— Съел в обед пару мелких рыбешек, а потом снова уснул. Будишь его — а он опять засыпает.

Сы Юэ похлопал по стеклу аквариума — ноль реакции.

— Вы звонили Чжоу Вэньсяо? Такая сонливость — это нормально?

— Звонил, — кивнул дядя Чэнь. — Директор Чжоу сказал, что это абсолютно нормально. Особенно после первых трех инъекций реакция будет сильной. Когда пройдет переходный период, побочных эффектов станет меньше.

Сы Юэ снова постучал по стеклу, на этот раз чуть громче.

Бай Лу вяло шевельнул хвостом — появилась хоть какая-то реакция. Он медленно открыл глаза, чьи яркие зрачки сейчас напоминали рассеянный фиолетовый туман. Увидев Сы Юэ, он неспешно подплыл к стенке и потерся о стекло.

— А-Юэ, ты вернулся?

— Я купил тебе пирожное.

Бай Лу, казалось, потратил все оставшиеся силы, чтобы перевести взгляд на столик с десертом, а затем снова посмотрел на Сы Юэ:

— Я так хочу спать... Положи пока на кухню, я съем завтра.

— Как там твой шарф?

— Плохо. Еще столько вязать.

— Но зато хвосту уже намного лучше, чем пару дней назад, — добавил Бай Лу.

Ну и отлично.

Сы Юэ больше не стал его тревожить. Вероятно, в период восстановления тела организм так и должен себя вести: все остальные функции переходят в спящий режим, чтобы направить всю энергию на исцеление поврежденного хвоста.

Сы Юэ поднялся наверх, принял душ и переоделся.

Перед тем как выйти из комнаты, он вернулся, поднял свою дневную одежду и принюхался. Никакой рыбной вони — только запах средства для стирки. Сы Юэ искренне не понимал, как устроено обоняние тритонов, раз оно настолько специфическое и острое.

Когда Сы Юэ появился на кухне, поварахи, готовившие ужин, аж вздрогнули от неожиданности.

— Я просто кое-что возьму.

Сы Юэ порылся в шкафчиках и нашел два вида кускового сахара: белый и тростниковый. Зажав в каждой руке по несколько кусочков, он довольный пошел проверять Бай Цзяня.

Бай Цзянь любил читать.

Наверное, прожив так долго и повидав так много, он уже ничему не удивлялся в реальной жизни. Зато всякие странные истории из книг казались ему куда более интересными.

Внезапно перед его глазами появились два сжатых кулака.

— Угадай, в какой руке тростниковый сахар?

— ...

— А в чем смысл угадывания? — Бай Цзянь отложил книгу и неторопливо налил Сы Юэ только что заваренный фруктовый чай. В нем были апельсины, грейпфруты, клубника, улун и немного меда. Напиток получался не приторным, с легкой кислинкой — как раз то, что любил Сы Юэ, не жаловавший сладкое.

— Хочу проверить, сможешь ли ты уловить разницу по запаху, — честно признался Сы Юэ.

Бай Цзянь рассмеялся:

— И за кого ты меня принимаешь?

За собаку?

Однако на этот раз Сы Юэ не стал болтать лишнего, как днем. Он глубоко вдохнул и проглотил сравнение, готовое сорваться с языка.

Словно Бай Цзянь этого не заметил.

— За собаку? — Бай Цзянь изогнул бровь, и улыбка в его глазах стала глубже.

— Нет... — раз он этого не произнес, то и признаваться не собирался. Доказательств-то нет!

Бай Цзянь не стал развивать тему. Он опустил глаза, посмотрел на кулаки пару секунд и сказал:

— В левой — тростниковый, в правой — белый.

Сы Юэ перевернул руки и разжал ладони:

— Правильно.

Бай Цзянь:

— А награда будет?

Какая еще награда, Сы Юэ просто поддался внезапному порыву.

Видя замешательство на его лице, Бай Цзянь понял, что тот снова действовал по настроению и совершенно не продумал последствия.

В гостиной, где горели все настенные бра, кроме них двоих никого не было.

Бай Цзянь схватил Сы Юэ за запястье и потянул на себя, усадив себе на колени:

— Раз уж ты не приготовил награду заранее, как планируешь от меня откупиться?

Сы Юэ: «...»

Бай Цзянь наклонил голову, его прохладные губы коснулись ладони Сы Юэ. Кончик языка ловко слизал несколько кусочков сахара. И пока Сы Юэ сидел в оцепенении, мужчина поднял взгляд и оставил на его губах влажный, обдающий холодком поцелуй.

Сы Юэ приоткрыл рот, и язык тритона плавно скользнул внутрь.

Этот язык уже прекрасно знал, как нужно целовать человека, чтобы довести его до слез, чтобы услышать его тихие всхлипы и мольбы о пощаде.

Это было очень приятное звучание.

Сахар оказался сладким, даже приторным. Сы Юэ нахмурился, пытаясь вытолкнуть язык Бай Цзяня.

Но это движение послужило лишь подобием ответа.

Одна рука Бай Цзяня легла Сы Юэ на спину, а другая крепко взяла за подбородок. Его поцелуй стал еще более плотным и неотвратимым, чем та мелкая дождевая морось на улице. Ледяное дыхание тритона обжигало лицо.

В не слишком ярком свете Сы Юэ видел серебристые глаза Бай Цзяня.

— Будем ли мы сегодня погружаться? — Сы Юэ пододвинулся вперед, оказываясь еще ближе к мужу.

Мягкий свет от ламп ложился на шею Сы Юэ. Ключицы, выступающие из-под распахнутого воротника, походили на два маленьких горных пика, а покрывающая их кожа напоминала слой нежных, чуть сладковатых взбитых сливок.

Зимой на диване всегда лежал мягкий плед, но теперь, с наступлением лета, его давно убрали. Черная кожаная обивка оставалась холодной, как бы долго на ней ни сидели, и от этого холода по телу моментально бежали мурашки.

Ногти Сы Юэ были коротко и аккуратно подстрижены — он не любил носить длинные.

Поэтому ни пальцам ног, ни рукам было не за что зацепиться. Хоть он еще и не стал тритоном, сейчас он действительно напоминал рыбу, выброшенную волной на берег.

Кислород был выжат без остатка, а влага стремительно покидала тело.

...

Бай Цзянь сунул Сы Юэ в руки книгу, велел читать, а сам открыл дверь и вышел из комнаты.

Сы Юэ сидел, боясь пошевелиться. Он осторожно перелистнул обложку, но не успел дочитать и до третьей строчки, как Бай Цзянь вернулся. Мужчина сел рядом и тихо спросил:

— Помочь тебе?

Стоило Сы Юэ сделать хоть малейшее движение, как всё, что не успело впитаться, тут же начинало стекать вниз.

— Я сам... — начал было Сы Юэ, но Бай Цзянь уже прервал его отказ действием.

Сы Юэ съежился на диване, красный как рак.

Вся его одежда висела на подлокотнике, поэтому ему оставалось лишь кутаться в принесенный плед и обнимать книгу, чувствуя, как сгорает от стыда.

Закончив, Бай Цзянь убрал руку. Подняв глаза, он заметил россыпь белых рыбьих чешуек, появившихся за ухом Сы Юэ.

Их было гораздо больше, чем та одинокая, жалкая чешуйка пару дней назад. Белая чешуя — явление редкое, она мерцала бледно-белыми, почти серебристыми искрами. Чешуйки плотно прилегали к коже, не вызывая никакого ощущения чужеродности.

Всего лишь крошечный участок, покрытый чешуей, но выглядело это до безумия красиво.

Сы Юэ, видимо, тоже что-то почувствовал. Он приложил пальцы к месту за ухом и безошибочно нащупал твердую прохладную поверхность. Подняв взгляд на Бай Цзяня, он спросил:

— Опять выросли?

— И больше, чем в прошлый раз? Почему?

Бай Цзянь улыбнулся, и улыбка его была глубокой:

— Ты слишком смущаешься. Тебе не стоит быть таким застенчивым.

Маленький тритон без капли самоконтроля. Будь у него ушные плавники, они бы уже давно встали торчком от волнения.

<http://bllate.org/book/14657/1301544>